

венные науки, пошло на биологию человека, или генетику поведения. Почему? Оказывается, А. Грегг понимал, что приоритеты в финансовой политике в немалой степени зависят от научного понимания поведения, а соответствующей науки до сих пор нет. Следовательно, ее в первую очередь и надо создавать. Грегг приезжал в СССР, чтобы лично ознакомиться с работами И. П. Павлова, и после этого выделил на 11-летние исследования К. Литтла 632 тыс. долларов.

В 20-е годы фонд «Лаура Спельман Рокфеллер Мемориал» затратил несколько миллионов долларов на создание исследовательских коллективов, работающих в области биологии развития. В книге можно найти немало примеров щедрого финансирования работ Уотсона, Пирла, Нобла, ряда ученых Германии, Дании и Англии.

При всех положительных сторонах в развитии американской биологии были и некоторые «минусы», например, ограничения, с которыми сталкиваются женщины, решившие посвятить себя науке. Это хорошо показано в очерке Марлен Огилви, которая рассказывает о научной карьере двух талантливых женщин-зоологов — Н. Стевенс и А. Боринг.

Что же касается книги в целом, то мы можем отметить разноплановость входящих в нее очерков. Но в данном случае от разнобоя в под-

ходах к раскрытию темы книга только выиграет, так как этим избегается монотонность, а сам материал предстает в нужном ракурсе. Мы не ставим в упрек редакторам-составителям отсутствие очерков о развитии таких авангардных отраслей биологии, как молекулярная генетика и биохимия. Р. Рейнджер справедливо отмечает, что об этих науках и так написано слишком много.

Единственный упрек нам хотелось бы сделать автору очерка о Дж. Симпсоне. Вероятно, у сторонников синтетической теории эволюции подобное освещение пионерских работ этого крупнейшего палеонтолога нашего столетия вызовет глубокое удовлетворение. Однако после появления в Америке теории прерывистого равновесия (1972) и реабилитации взглядов Р. Гольдшмидта приведенная оценка научных заслуг Симпсона нуждается в существенных оговорках.

В целом авторский коллектив, на наш взгляд, достиг поставленных целей. Представители многих отраслей знания — и не только биологии — непременно откроют для себя в этой чрезвычайно информативной и оригинальной книге что-то новое, необычное, заманчивое. Не окажутся в проигрыше и те, кто хорошо представляет себе американскую биологию наших дней.

В. И. Назаров, Л. В. Чеснова

Oranje — Nassau muscum jaarboek 1991 / Eds. L. van der Klooster, M. E. Tiethoff-Splithoff, C. A. Tamse, E. Elzenga. Den Haag: Walburg pers, 1992.

В последнее время возрос несправедливый интерес голландской общественности к более глубокому, чем ранее, изучению и адекватной оценке значительного вклада соотечественников в мировую культуру и науку, особенно в развитие естествознания. Поэтому не случайно в 1971 г. в Гааге было организовано научно-просветительное общество «Оранско-Нассауский музей». Помимо чисто музейной работы (коллекционирование, хранение и демонстрация памятников науки и техники, устройство выставок) общество проводит семинары, экскурсии, издает историко-научные труды, в числе которых и Ежегодник.

В рецензируемом Ежегоднике собраны материалы, относящиеся к периоду правления двух последних штатгальтеров — Виллема IV (1711—1751) и Виллема V (1748—1806). Являясь представителями Оранско-Нассауского дома, штатгальтеры и их ближайшее окружение много сделали для того, чтобы в XVIII в., когда в результате почти непрерывных и неудачных войн, выпавших на долю Нидерландов, существенно пострадала экономика, научный потенциал страны остался на высоком интеллектуальном уровне века Просвещения. В этот период наука развивалась не только в стенах шести университетов, старейший из которых был открыт в 1575 г. в Лейдене, но и, например, в двадцати научных обществах и ассоциациях. Самое раннее из них и наиболее известное — Голландское общество наук. Оно было основано в 1751 г. в Харлеме и существует поныне. В 1778 г. под эгидой этого общества возникло так называемое Учреждение Тейлера, в котором

большое внимание уделялось экспериментальным исследованиям. В этом плане широкую известность получил его Физический кабинет, где в 1784 г. была установлена самая крупная в мире двухдисковая электростатическая машина с батареями лейденских банок большой емкости*.

В Ежегодник вошли пять статей, тематически относящихся к различным аспектам истории эпохи Просвещения. Сборник открывается статьей Л. Й. ван дер Клоостера, приуроченной к 200-летию со дня смерти В. А. Моцарта (1756—1791). Известно, что в детстве гениальный музыкант гастролировал как клавесинист и органист в ряде стран Европы. Менее известно, что в 1765—1766 гг. он по инициативе принцессы Каролины Оранской (1743—1787), сестры Виллема V, концертировал и в Гааге. Подчеркивается, что пребывание Моцарта в Голландии совпало с торжествами по поводу совершеннолетия штатгальтера, поэтому вошло в историю страны. Моцарт играл на клавесине в построенном в те годы дворце «Отель Вейльбург» (ныне Королевский театр), а также на органе в церквях.

Статья М. Кёлер, исследовательницы из Мюнхена, представляет собой краткое изложе-

* На этой установке совместно с голландскими коллегами проводил опыты российский посол в Гааге князь Д. А. Голицын (1734—1803), дипломат, авторитетный естествоиспытатель, искусствовед, словом, длинный сын своего века. Следует отметить, что голландские механики добились больших успехов в инструментально-аппаратурном обеспечении опытных наук.

ние готовящейся к изданию книги о княгине А. С. Голицыной, урожденной прусской графине Амалии фон Шметтау (1748—1806), ставшей в 1768 г. женой Д. А. Голицына. До назначения в Гаагу Д. А. Голицын был послом при Версальском дворе, обрел близких друзей и единомышленников среди французских энциклопедистов. В 1770 г. Голицыны с детьми (дочерью Марианой и сыном Дмитрием) обосновались в особняке, возведенном в 1756 г. в ренессансном стиле неподалеку от правительственной резиденции. Это здание отчетливо видно на прилагаемой иллюстрации* (с. 18).

Кёлер отмечает интерес Голицыных к естествознанию и философии, что способствовало образованию в стенах российского посольства «салона на высоком европейском уровне» (с. 17). В 1773—1774 гг. во время поездки в Петербург и обратно Д. Дидро (1713—1784) подолгу гостил у Голицыных. Дом русского князя служил духовным пристанищем для известных голландских ученых и мыслителей, таких как философ Ф. Хемстерхейс (1721—1790), выдающийся анатом и физиолог П. Кампер (1722—1789), метеоролог П. Дантан (1730—1780), приехавший из Швейцарии и сотрудничавший с Голицыным. Дом Голицыных посещали и русские студенты, учившиеся в Нидерландах, например, братья С. П. и Н. П. Румянцевы.

Упомянув Кампера, Кёлер сочла необходимым сообщить о факте, характеризующем княгиню как преданную науке человека. В рассматриваемые десятилетия в научном мире с особой остротой обсуждалась проблема антропогенеза. Высказывалось мнение, что вероятнее всего предком человека следует считать orangутана. В 1776 г. некий купец привез из Ост-Индии в дар штатгальтеру «великолепный образец» самки этой обезьяны. Ее поместили в основанный правителями Нидерландов зверинец. Изучением orangутана занялась группа гаагских медиков во главе с Кампером, который как раз разрабатывал метод сравнительного описания в антропологии. А. Голицына принимала деятельное участие в обследовании примата. И когда в неволе обезьяна околела, княгиня упросила штатгальтера поручить Камперу анатомировать и заспиртовать останки orangутана. Таким образом, Кабинет натуралий Оранского дома обогатился довольно редким экспонатом. В статье воспроизведен, пожалуй, первый в истории зоологии «портрет» orangутана работы художника Т. Хаага (с. 23).

Недолго длилась совместная семейная жизнь Голицыных. Начавшаяся еще в 70-х гг. размолвка между супругами, вызванная экзальтированным католицизмом княгини, завершилась полным разрывом. В 1780 г. А. Голицына с детьми переехала жить в Мюнстер, главный город мюнстерского епископства, где с благославления церковных властей основала так называемый «мюнстерский кружок», отличавшийся религиозным мистицизмом и ос-

тавившим след в становлении немецкого предромантизма. Кёлер отводит несколько страниц преисполненным «странностью» («singularité») последним годам жизни своей героини. Отмечено ее знакомство с Гёте (1749—1832), к которому она ездила в Веймар и принимала у себя, показывала ему свою коллекцию редких гемм.

Картография в Голландии, в частности военная топография, имеет давние традиции, восходящие к прославленному полководцу Морису Оранскому (1567—1625). Об этом свидетельствует внушительная библиография, приведенная в статье И. Л. Аардоома, посвященной истории собирательства, консервации и изучения военно-топографических карт и смежных материалов при последних двух штатгальтерах. Рассказано об организации Кабинета картографии — гордости Военно-исторического музея в Гааге. Аардоом приводит довольно подробные персоналии семи научных руководителей (хранителей) Кабинета картографии. Все они воспитанники нидерландских университетов, занимали высокие военные посты. Небезынтересно, что один из них — К. Я. ван де Грааф (1734—1812), будущий губернатором Капской колонии (ныне ЮАР), руководил в 1780—1782 гг. первыми топографическими съемками в этом тогда еще голландском владении.

Весьма насыщенным историко-научными реалиями предстает очерк видного нидерландского историка естествознания П. де Клерка «Кабинет научных приборов и моделей Виллема IV и Виллема V». Эта работа подтверждает сказанное выше о том, что в XVIII в. всеобщее признание заслуженно получили голландские конструкторы и фабриканты научных аппаратов и инструментов. Мы воздержимся здесь от пересказа статьи де Клерка, поскольку аналогичный материал можно прочитать на более доступном английском языке в «Annals of Science» (1988, № 45). Ограничимся лишь следующим.

Штатгальтеры коллекционировали научный инструментарий различного назначения. В 1776 г. было построено специальное здание, где размещались как старые собрания, так и новые поступления приборов, а также научная библиотека с архивом, о чем не без удовлетворения сообщалось в путеводителе по Гааге за 1785 г. В мае 1795 г., после вступления французских революционных войск в Гаагу, было захвачено и конфисковано около ста ценнейших экспонатов из названного Кабинета и вывезено в Париж. Со ссылкой на документы французских архивов автор приводит инвентарный перечень этих предметов. К счастью, в университетских «кабинетах» хорошо сохранились изготовленные голландскими мастерами образцы памятников науки; на фотографиях показаны электростатическая машина, воздушный насос, проекционный фонарь, графометр — угломерный геодезический инструмент и др. В очерке де Клерка вновь упоминается Д. А. Голицын, но уже как талантливый физик-экспериментатор. Читатель знакомится с именами целой плеяды голландских приборостроителей, однако при этом нельзя не упрекнуть автора в том, что он не привел хотя бы кратких биографических сведений об этих мастерах.

Последняя статья Ежегодника, как и первая, относится к истории музыки. А. Й. Коогье

* Автор сожалеет, что при подготовке им научной биографии Д. А. Голицына, вышедшей в свет в 1985 г. в издательстве «Наука», он не знал о наличии этой картины в городском архиве Гааги.

подробно пишет о жизни и артистической деятельности знаменитой португальской оперной певицы Луизы Тоди (1753—1833). В 1790 г. она гастролировала в Гааге, а чуть раньше, в 1784—1787 гг., выступала в Петербурге, покая сердца столичных меломанов.

В заключение отметим, что воспроизведенные в Ежегоднике 36 иллюстраций разного жанра имеют самостоятельную познавательную и художественную ценность.

Г. К. Цварава (Бокситогорск)

Synopsis. Science. Society. Culture. Man. Vol. 1. Yerevan. 1992. — 94 p.

Перед нами первый выпуск издания, которое начинает публиковать недавно организованный в Ереване Центр гуманитарных и социальных исследований «Эйдос» и Научно-исследовательский институт педагогических наук республики Армения. Выход в свет сборника стал возможным лишь в результате самоотверженных усилий группы инициативных армянских ученых, организованной философом О. Габриэляном и специалистом в области педагогики В. Осиповым. Тяжелое положение, в котором оказались наука и образование в Армении, переживающей сегодня сложнейший момент своей истории, воздвигло перед издателями почти непреодолимые преграды: нет средств ни на бумагу (да нет и самой бумаги), ни на типографию (слава Богу, удалось найти спонсора, взявшего на себя эти расходы), ни на дорогостоящую рассылку сборника в крупнейшие зарубежные центры, ведущие исследования по педагогике и истории и философии науки (а именно с этой целью сборник издан на английском языке — здесь взялся помочь горсовет Еревана). Несмотря на свой скромный внешний вид (он напечатан на неважной бумаге, текст не всегда отчетлив) и небольшой тираж (около 200 экземпляров), выпущенный сборник свидетельствует о напряженной творческой работе в области педагогики и истории и философии науки, ведущейся нашими армянскими коллегами в холодном и голодном Ереване.

Сборник состоит из четырех разделов. Первый раздел («Образование в XXI веке») включает две статьи: Г. Асратян «Создание национальной школы в Армении: некоторые спорные вопросы» и В. Осипов «Национальное образование в Армении: идеология школьной реформы». В статьях анализируются сложности, возникшие перед создателями новой системы образования в Армении, которая должна быть, с одной стороны, глубоко национальной, а с другой — отвечать общим требованиям, которые ставит перед человеком современная мировая культура.

Второй раздел сборника («Наука в контексте культуры») также содержит две статьи. О. Габриэлян в работе «Неклассическая природа современной математики», основываясь на материале истории и философии математики, выделяет особенности современной математики в новейшее время. Развитие математики в XIX—XX вв. он рассматривает в связи с общим

процессом развития науки этого периода, для которого характерен новый тип рационализма — «сюр-рационализм» (здесь он следует Г. Башляру), который и определяет новую (неклассическую) науку — неевклидову геометрию, неньютонову механику, нематрицевую физику (боровскую) физику, неаристотелевскую логику. Этот процесс автор связывает с развитием диалектики в философии. Противопоставляя классическую математику и математику современную (что, на наш взгляд, надо делать с большой осторожностью), автор выделяет в качестве одной из важнейших черт последней ее конструктивный характер. С такой оценкой трудно согласиться. Да, действительно, наблюдается большая тяга к конструктивному (кстати, понимаемому различными авторами по-разному). Однако вне конструктивного остается большая (пожалуй, основная) часть математики.

Н. Абрамян в статье «История науки и проблема эволюции лингвистики» обсуждает проблему роста значимости истории науки в общей системе современного знания и отмечает особенности истории языкознания и ее кардинальное отличие от истории естествознания.

Третий раздел («Социокультурное измерение прогресса») составлен из статей Н. Товмасын «А. Тоффлер о будущем: разнообразие сценариев», в которой излагается футурологическая концепция А. Тоффлера о многообразии возможных форм будущего, зависящего от выбора, делаемого в каждый момент, и И. Барсегяна «Идея культуры в антропологической перспективе (эволюционизм и структурализм)». В последней статье на примере истории исследований по общей антропологии анализируются две основные тенденции в исследованиях по истории гуманитарных и социальных наук.

В четвертом разделе помещены рецензии на философские монографии Г. Геворкяна и А. Калашяна, опубликованные в Ереване в 1992 г.

Первый выпуск Synopsis'a получился интересным и разнообразным. Желая его издателям и авторам дальнейших творческих успехов, хочу заметить, что он может служить хорошим примером российским ученым: как следует действовать в сложных экономических условиях, в которых оказалась отечественная наука.

С. С. Демидов